

Чудинов Сергей Иванович

кандидат философских наук,
доцент Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и информатики

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ [1]

Аннотация:

В статье представлен краткий обзор современных теорий, связанных с решением проблемы разграничения и характеристики объективных и субъективных аспектов безопасности – от традиционной школы (нео)реализма до анализа современного социума в исследованиях З. Баумана и Э. Гидденса, расширяющего понятие субъективной безопасности.

Ключевые слова:

философия безопасности, объективная и субъективная безопасность, дискурсивный подход к безопасности, онтологическая безопасность, безопасность и потребительское общество, социальная турбулентность.

Chudinov Sergey Ivanovich

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Siberian State University of Telecommunications
and Information Science

THE PROBLEM OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE ASPECTS OF SECURITY [1]

Summary:

The article presents a brief overview of the modern theories dealing with the problem of distinguishing and describing of objective and subjective aspects of security: from the traditional (neo) realism approach to the analysis of contemporary society in researches of Z. Bauman and A. Giddens expanding the concept of subjective security.

Keywords:

philosophy of security, objective and subjective security, discursive approach to security, ontological security, security and consumer society, social turbulence.

Проблема безопасности (государства, общества и личности) скрывает в себе множество дискуссионных методологических вопросов. Одним из них является вопрос о различении объективных и субъективных аспектов безопасности, то или иное решение которого формирует целые научные школы и методологические направления в области исследования безопасности. В данном исследовании мы рассмотрим современные дискуссии вокруг этого вопроса и остановимся на некоторых социально-гуманитарных теориях, которые расширяют представления о безопасности, углубляясь в ее субъективные аспекты (теории З. Баумана и Э. Гидденса).

Классическое разделение объективных и субъективных аспектов безопасности восходит к А. Вольферсу. Сравнивая безопасность как ценность с другими понятиями, такими как сила (военная мощь) государства и благосостояние общества, Вольферс поясняет, что безопасность в объективном смысле измеряет отсутствие угроз в отношении приобретенных ценностей, тогда как в субъективном смысле – означает отсутствие страха, что эти ценности будут атакованы [2, р. 485]. Таким образом, безопасность в объективном смысле ассоциируется с реальными внешними угрозами по отношению к обществу (нации) и государству, в субъективном значении – со страхами подобных угроз, циркулирующими в различных социальных группах (вне зависимости от наличия объективных оснований такой угрозы).

Объективистское понимание безопасности было заложено в классическом (нео)реалистическом подходе в исследовании безопасности. Здесь угроза интерпретируется почти исключительно в терминах военного противостояния. Таким образом, безопасность в данном подходе трактуется как способность государства представлять угрозу другим или сдерживать врагов, основываясь на своих материальных возможностях. Субъективистские подходы в формулировке Б. Бузана и его коллег ставят акцент на нематериальные факторы безопасности культурного и психологического характера. Они подчеркивают значение истории, норм, психологии страха и (ложного) восприятия, контекстов взаимоотношений (между друзьями, соперниками, нейтральными субъектами и врагами), внутри которых оформляются угрозы [3, р. 33].

Субъективная безопасность, рассматриваемая в философских и социокультурных аспектах, может быть разложена на ряд взаимосвязанных проблем, таких как *когнитивные аспекты восприятия* человеком состояния безопасности или угрозы, психологические механизмы образования страха в социальных группах (социальные фобии, алармизм) и его минимизации; *коллективная идентичность и безопасность* – информационно-психологические атаки, нацеленные на разрушение или манипуляцию идентичностью, взаимосвязь идентичности и обществен-

ной стабильности; *гражданское самосознание* и способность *самоорганизации сообщества* перед лицом внешних и внутренних угроз; *ценностные и культурные основания* общественной системы и их влияние на формирование экзистенциальных страхов или чувство безопасности.

Оригинальное решение, отвергающее сугубо объективистские или же субъективистские трактовки безопасности, предложил дискурсивный подход, концептуализированный в трудах основателей Копенгагенской школы. Он сложился под влиянием неклассической методологии, теории речевого акта Дж. Остина и некоторых постмодернистских идей, относящихся к проблеме связи дискурсивных практик и оформления социальной реальности.

Дискурсивный подход, изначально предложенный О. Уэйвером, был оформлен в виде теории секьюритизации. Теория секьюритизации исходит из посылки «безопасность – это речевой акт» [4]. Это означает, что речевой публичный акт со стороны субъекта политической власти создает из некоторых объективных угроз проблему, относящуюся к безопасности общества и государства. Введение какой-либо угрозы в сферу безопасности означает, что власть легитимирует в глазах общест­венности применение чрезвычайных мер для ее решения. Речевой акт истэблишмента носит принудительный характер, поскольку он приносит дискурсивно сконструированную когнитивную схему в процесс восприятия политических и социальных проблем обществом (массовым сознанием).

Дальнейшее развитие теории секьюритизации привело к различению философского и социологического направлений в ее интерпретации и отделению процесса секьюритизации от дискурсивных практик в социологическом подходе, где секьюритизация понимается как «стратегический (прагматический) процесс, который осуществляется внутри, и как часть конфигурации обстоятельств, включая контекст, психо-культурные диспозиции аудитории и власть, которую как говорящий, так и слушающий приносят во взаимодействие» [5, р. 1].

Некоторые из современных социально-гуманитарных теорий расширили понимание субъективного измерения безопасности, включив в аналитическое поле проблемы социокультурные, психологические и феноменологические факторы, влияющие на восприятие индивидом и социальными группами собственной защищенности.

В социологических исследованиях З. Баумана была рассмотрена модификация восприятия безопасности в обществе потребления: стремление к импульсивным покупкам ученый связал с отсутствием чувства безопасности. Бауман подразумевает под безопасностью более психологические и широкие коннотации, нежели аспекты, связанные с обеспечением правопорядка и стабильности государственности [6]. В значительной степени опасность здесь ассоциируется с неопределенностью: туманностью жизненных перспектив, отсутствием отчетливых паттернов и нормативных образцов, задающих магистральную линию жизни индивида и придающих жизни смысл.

Состояние сознания человека потребительского общества, рождающее фобии и страхи, о котором рассуждает Бауман, в значительной степени связано с проблемой мировоззренческой – *недемаркированной свободой человека*. Это – онтологическое и этическое неразличение границы между объективными обстоятельствами, внешними и принудительными по отношению к воле и возможностям человека, и сферой личной ответственности (свободы воли, выражающей духовное и моральное измерения свободы, и онтологической свободы действия). Провиденциальный тип мировосприятия полагает эту границу явным образом, отчетливо маркируя сферу божественной детерминации и область человеческой ответственности. Сциентистское мировоззрение классического модерна, отвергая трансцендентное измерение детерминации, также отличает сферу «законов природы» и сферу человеческого действия. «Расплавка» социокультурных паттернов и когнитивных схем онтологического восприятия окружающего мира в эпоху «текучей современности», аксиологической и мировоззренческой турбулентности устраняет естественные опоры повседневного сознания. Недемаркированная свобода, где каждый полагает свою меру ответственности за результаты поступков и будущее, создает ощущение повышенной личной ответственности за любые неудачи и ошибки и отсутствия какой-либо онтологической опоры, придающей жизни стабильность и защищенность от случайных угроз и некалькулируемых опасностей. Такая свобода начинает тосковать по безопасности и пытается найти возможности ее обретения в условиях потребительской системы ценностных ориентаций.

По мнению Баумана, приобретая товары и услуги, помимо удовлетворения гедонистического «инстинкта», потребители «также пытаются выйти из состояния агонии, которая называется отсутствием безопасности. Они хотят когда-нибудь освободиться от страхов ошибки, нерадивости и небрежности. Они надеются получить уверенность, надежность и доверие; и поразительные достоинства приобретаемых ими объектов состоят в том, что последние (или так кажется некоторое время) обещают определенность». Импульсивные покупки являются дневным ритуалом экзорцизма, «изгнания ужасных призраков неопределенности и отсутствия безопасности, которые продолжают преследовать людей по ночам» [7, с. 90].

Категория безопасности, которой оперирует Бауман, во многом переkreцивается по своему логическому объему с концептом «онтологической безопасности», разработанным Э. Гидденсом. Оба понятия несут в своей сердцевине социально-психологическое значение, погруженное в социокультурный контекст существования современного человека.

Гидденс разделяет безопасность как объективные условия существования и субъективное чувство человека и социальных групп. Традиционное общество имело дело с угрозами преимущественно природного характера (эпидемии, голод, природные катастрофы), тогда как современное общество стоит перед вызовами рисков, производных от деятельности самого человека. Риски техногенного происхождения с развитием научно-технического прогресса становятся все более многочисленными и менее предсказуемыми, приобретая характер глобальной угрозы. Помимо этого, элемент случайности и турбулентности заложен в саму систему общества через развитие среды институционализированных рисков (рынок инвестиций и др.). Тем не менее Гидденс замечает, что во многих сферах на материальном уровне безопасность жизни человека в обществе модерна повысилась, но данный факт противоречиво сочетается с проблематичностью обретения современным человеком чувства безопасности. При этом он концентрирует свое внимание на то, каким образом психологически и феноменологически конструируется это чувство.

Гидденс утверждает, что ощущение безопасности производно от базового доверия, которое формируется в раннем детстве. Противоположностью этому чувству выступают экзистенциальная тоска или ужас [8, с. 100]. Доверие в традиционном обществе естественным образом формировалось в сознании человека в результате его социализации в коллективе родственников и локально ограниченном социальном пространстве. В эпоху модерна пространство и время стали отделены друг от друга и превратились в стандартизированные, бесконечные и «пустые» расстояния [9, с. 20–21]. Доверие приобретает модифицированные формы, связанные с развитием абстрактных систем (денежных знаков, экспертных систем и пр.).

Онтологическая безопасность вытекает из психологической потребности в рутинизации жизни. Традиционное общество наилучшим образом направляло социальную активность человека по давно апробированным путям рутинизации действительности в рамках религиозной космологии. Рутинизация повседневности в условиях позднего модерна не связана с ориентацией на прошлое, поскольку никакая практика не может быть санкционирована только ссылкой на традицию. Любые традиции должны быть подвергнуты проверке в свете поступающей информации и постоянно модифицироваться [10, с. 38]. Здесь остро встает проблема идентичности личности. Поскольку никаких заранее заданных паттернов повседневности и жизненных стратегий не имеется, человеческое Эго становится проектом самого себя, постоянно заменяющимся личным нарративом [11, с. 74–76]. Онтологическая безопасность становится в таких условиях нестабильной и требует постоянного возобновления.

В теории Гидденса онтологическая безопасность вовсе не указывает на онтологические аспекты человеческого существования, но сводится к субъективному чувству упорядоченности и устойчивости окружающего мира, достигаемому путем рутинизации повседневности. Ученый относит онтологическую безопасность к эмоциональному и подсознательному феномену, проявляющемуся на уровне «практического сознания» (неотрефлексированных моделей поведения). Остается неясным, можно ли гармонизировать личное бытие человека в нестабильном социальном и природном мире, придать ему устойчивость, которая не была бы эфемерным конструктом сознания?

Проблема эпистемологического разделения и детализации характеристики двух типов безопасности, связанных с объективными угрозами и субъективным восприятием безопасности, сохраняет свою актуальность, поскольку в ней остается еще много нерешенных вопросов. В целом за последние десятилетия в данной исследовательской области расширились представления о субъективном измерении безопасности, где были раскрыты социокультурные аспекты ощущения безопасности/незащищенности в массовом сознании в условиях разрыва с традицией (постмодерн) и турбулентности социальных процессов, потребительской ценностной ориентации и культурно-«патологических» форм иллюзорного обретения чувства безопасности. Данные аспекты представляются крайне важными в контексте возникновения трансформации прежних угроз материального характера (силовое вмешательство во внутреннюю жизнь государства) в более скрытые, «виртуальные» формы, нацеленные на манипуляцию массовым сознанием.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.
2. Wolfers A. "National Security" as an Ambiguous Symbol // *Political Science Quarterly*. 1952. Vol. 67, No. 4 (Dec.). P. 481–502.
3. Buzan B., Hansen L. *The Evolution of International Security Studies*. New York, 2009. 383 p.
4. Wæver O. *Securitization and Desecuritization* // Ronnie D. Lipschutz (ed.) *On Security*. New York. P. 46–86.
5. Balzacq Th. *Securitization Theory. How Security Problems Emerge and Dissolve*. New York, 2011. 272 p.

6. Бауман З. Текучая современность : пер. с англ. / под ред. А.В. Асочакова. СПб., 2008. 240 с.
7. Там же. С. 90.
8. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, 1996. 186 p.
9. Ibid. P. 20–21.
10. Ibid. P. 38.
11. Giddens A. *Modernity and Self-identity*. Stanford, 1991. 264 p.

References and notes:

1. The study was funded by RHF "Philosophical Foundations security doctrine in a turbulent society", the project № 15-33-01310.
2. Wolfers, A 1952, "'National Security' as an Ambiguous Symbol", *Political Science Quarterly*, vol. 67, no. 4 (Dec.), p. 481-502.
3. Buzan, B & Hansen, L 2009, *The Evolution of International Security Studies*, New York, 383 p.
4. Wæver, O 'Securitization and Desecuritization', in Ronnie, D & Lipschutz, (ed.), *On Security*, New York, p. 46-86.
5. Balzacq, Th 2011, *Securitization Theory. How Security Problems Emerge and Dissolve*, New York, 272 p.
6. Bauman, Z 2008, *The Fluid Modernity*, St. Petersburg, 240 p.
7. Bauman, Z 2008, *The Fluid Modernity*, St. Petersburg, p. 90.
8. Giddens, A 1996, *The Consequences of Modernity*, Cambridge, 186 p.
9. Giddens, A 1996, *The Consequences of Modernity*, Cambridge, p. 20-21.
10. Giddens, A 1996, *The Consequences of Modernity*, Cambridge, p. 38.
11. Giddens, A 1991, *Modernity and Self-identity*, Stanford, 264 p.